

АЛЕКСАНДРА ОСТОЛОПОВА

Невесомость

18+

Александра Остолопова

Невесомость

«Автор»

2026

Остолопова А.

Невесомость / А. Остолопова — «Автор», 2026

«Невесомость» — это роман о том, как легко перепутать покой с ловушкой, а любовь — со спасением, о котором не просили. О женщинах, которых не били, но которых не стало. О лжи, которую невозможно почувствовать, потому что она стала чьей-то правдой. И о саде, который остаётся даже тогда, когда все книги сгорели.

© Остолопова А., 2026

© Автор, 2026

Александра Остолопова

Невесомость

НЕВЕСОМОСТЬ

Глава 1. Тишина

Я всегда знала, когда мне врут.

Не по глазам. Не по голосу. Не по тому, как человек отводит взгляд или слишком старательно улыбается. Всё это — ерунда, декорации. Ложь живёт глубже. Она проходит через кожу, как ток, и оставляет ожог на внутренней стороне запястий. Резкий, горячий, почти до слёз. Чем страшнее ложь — тем сильнее жжёт.

Мама называла это «нервами». Врачи — «психосоматикой». Я называла это проклятием и старалась не подходить к людям слишком близко.

Работа спасала. Я реставрировала книги. Старые, потрёпанные, честные. Они не умели лгать. Они просто были — со сломанными корешками, с пятнами от чая и слёз, с пометками на полях, оставленными теми, кого давно нет. Книги не просили доверия. Они не обещали. Они не говорили: «Я никогда тебя не оставлю». Они просто лежали передо мной и ждали, когда я верну им форму.

В тот день шёл дождь. Я стояла спиной к двери, разбирала листы «Портрета Дориана Грея» — издание 1891 года, с бледными чернильными пометками на полях. Женский почерк. Аккуратный, чуть наклонённый вправо. Я как раз думала, что эти пометки странные: вчера на странице двадцать три было написано «я люблю его», а сегодня я видела там «я боюсь его». Я решила, что перепутала страницы. С кем не бывает.

Дверь открылась. Колокольчик над входом звякнул — коротко, сухо.

— Простите, вы Ася?

Я обернулась.

Он стоял в дверном проёме, и с него капало. Тёмное пальто, мокрые волосы, папка в руке. Лицо спокойное, чуть усталое. Глаза серые, внимательные. Он не улыбался, но в уголках губ пряталось что-то похожее на улыбку — как будто он знал что-то, чего не знала я.

— Да, — сказала я. — Это я.

И ничего не почувствовала.

Ни жжения. Ни ожога. Ни боли.

Тишина.

Впервые за двадцать три года.

Я замерла. Внутри всё сжалось, как перед прыжком в холодную воду. Я ждала. Секунду. Две. Три. Ожог не приходил. Запястья оставались прохладными. Кожа не горела. Я слышала дождь, стук капель по подоконнику, скрип половиц под его ногами — и больше ничего. Никакой боли.

— Я не вовремя? — спросил он.

— Нет, — сказала я слишком быстро. — Нет. Вовремя. Проходите.

Он вошёл. Пальто он повесил на крючок у двери, аккуратно, не стряхнув воду на пол. Папку положил на стол. Я смотрела на его руки. Длинные пальцы, чисто выбритые запястья, никаких часов. Он двигался медленно, уверенно, как человек, который привык, что мир не будет ему мешать.

— Меня зовут Марк, — сказал он. — Марк Штерн. Мне рекомендовали вас в книжном клубе. Сказали, вы лучшая по старинным изданиям.

— Кто рекомендовал?

— Не помню точно. Кто-то из ваших постоянных клиентов. — Он пожал плечами. — Я не запоминаю имена. Только книги.

Я кивнула. Взяла папку. Внутри лежала книга — тяжёлая, в потёртом кожаном переплёте. Я открыла её и почувствовала, как что-то внутри меня сжалось сильнее.

«Портрет Дориана Грея». 1891 год. Те же бледные чернила на полях. Тот же наклон.

— Где вы её взяли? — спросила я.

— Купил на аукционе. — Марк подошёл ближе. — Говорят, она принадлежала одной женщине. Она умерла. Родственники продали библиотеку. Я коллекционирую редкие издания. Но эта — особенная. — Он помолчал. — В ней есть пометки. Мне сказали, вы умеете с ними работать.

Я провела пальцем по краю страницы. Почерк был тот же, что и в моей книге. Я это точно знала. Я видела его каждый день последние две недели.

— У вас есть ещё такая? — спросила я.

— Такая? — Он чуть наклонил голову. — Нет. Только эта.

Он не лгал. Я бы почувствовала. Но я не чувствовала ничего. И от этого мне стало страшно.

Я подняла на него глаза. Он смотрел спокойно. Без вызова. Без вкрадчивости. Без того липкого обаяния, которым обычно прикрывают ложь. Просто смотрел. Как на человека, которому можно доверять.

— Хорошо, — сказала я. — Я возьмусь. Это займёт недели три. Может, месяц.

— Не торопитесь, — сказал он. — Я никуда не спешу.

Он улыбнулся. И я снова ничего не почувствовала. Ни ожога. Ни жжения. Ни боли.

Он ушёл через десять минут. Оставил визитку, номер телефона, предоплату — больше, чем я просила. Я заперла дверь, села на стул и посмотрела на свои запястья. Кожа была бледной, гладкой, чистой. Ни красных пятен. Ни следов. Ничего.

Я просидела так, наверное, час. Дождь закончился. За окном стемнело. Я слышала, как в соседней квартире играет телевизор, как кто-то ругается на кухне, как лифт гудёт между этажами. Обычные звуки. Обычный вечер.

А потом я поняла, что произошло.

Рядом с ним мой дар замолчал. Впервые в жизни. Я не знала, что это значит. Может, он был единственным честным человеком на земле. Может, я наконец сломалась. Может, это не тишина, а глухота. Я не знала.

Я взяла визитку. На ней было только имя и номер. Ни адреса, ни компании, ни должности. Просто: «Марк Штерн». И всё.

Я перевернула её. На обратной стороне, мелким шрифтом, было написано:

«Тишина — это не всегда покой. Иногда это просто отсутствие звука. Но ты всё равно услышишь.»

Я уронила визитку на стол. Руки дрожали. Я не понимала, что это — угроза, предупреждение или просто чья-то глупая шутка. Я не понимала ничего.

Но я точно знала одно: я не должна была чувствовать тишину рядом с незнакомым человеком.

Я подошла к окну. Улица была мокрой, пустой, блестящей. Фонари отражались в лужах, как чужие глаза. Я стояла и смотрела на них, пока не замёрзла.

А потом пошла в мастерскую, открыла «Портрет Дориана Грея» и увидела новую пометку на полях. Её не было утром. Я это точно помню.

Там было написано:

«Он уже здесь. Не верь тишине.»

Глава 2. Марк

Я не помню, когда впервые понял, что мир состоит из людей, которым нужна помощь. Не той, о которой они просят. Не той, которую они ждут. А той, которую они не умеют попросить, потому что не знают, что она существует.

Я помню другое. Мне было девять. Мать стояла на кухне и резала хлеб. Отец сидел за столом и читал газету. Всё было обычным, как всегда. Мать спросила: «Тебе с маслом?» Отец ответил: «Да». И она намазала хлеб маслом. А потом он встал, взял нож и подошёл к ней сзади.

Я не помню крика. Не помню крови. Я помню только, как мать смотрела на меня — не на отца, не на нож, а на меня, стоящего в дверном проёме. И в её глазах было что-то, чего я не понял тогда. Она как будто просила: «Не смотри». И одновременно: «Спаси».

Отец сел обратно за стол. Взял газету. Сказал: «Не волнуйся. Она сама виновата». И это было правдой. Она действительно была виновата. Она забыла, что он не любит, когда хлеб режут толсто. Он говорил ей об этом сотню раз. Она забыла. Значит, сама виновата.

Я вырос с этой мыслью. Люди забывают. Люди ошибаются. Люди делают больно — не потому, что злые, а потому, что невнимательные. И если рядом есть кто-то, кто помнит за них, кто думает за них, кто решает за них — всем становится легче. Даже им самим.

Особенно им самим.

Я не считаю себя злодеем. Я никогда не бил женщин. Я не запирали их. Я не отбирал деньги. Я просто помогал. Я говорил: «Тебе не нужно работать так много». Говорил: «Твои друзья тебя не понимают». Говорил: «Ты устала. Ты не в себе. Давай я решу это за тебя». И они соглашались. Потому что это было правдой. Потому что они действительно уставали. Потому что их друзья действительно не понимали. Потому что мир действительно был слишком сложным для них.

Я не лгал. Я просто говорил то, что было правдой. Просто правду, которую они не хотели видеть. И когда они её видели — они благодарили меня. Сначала. Потом начинали бояться. Потом пытались уйти. И тогда я снова говорил правду. И они оставались.

Вера ушла. Вера была первой, кто ушёл по-настоящему. Я до сих пор не понимаю, как она это сделала. Я думал, что знаю о ней всё. Я знал, когда она принимает душ, когда ложится спать, когда ей страшно, когда ей больно, когда она врёт. Я знал её лучше, чем она сама. Но она ушла. Ночью. Босиком. В халате. Оставила телефон, паспорт, деньги. Просто ушла. И я не смог её найти.

Я искал её три года. Нанимал людей. Проверял каждый город, где она могла бы появиться. Ничего. Как будто она растворилась. Как будто её никогда не было. Я почти поверил в это. Почти убедил себя, что придумал её. Что она — просто сон, длинный, тяжёлый сон, из которого я наконец проснулся.

А потом я встретил Асю.

Я не искал её. Я не планировал. Я пришёл в ту мастерскую, потому что мне нужно было отдать книгу. Я купил её на аукционе, потому что узнал почерк на полях. Почерк Веры. Она всегда оставляла пометки. Всегда. В каждой книге, которую читала. Я думал, что найду её через эти пометки. Что они приведут меня к ней.

Но привели к Асе.

Она стояла спиной к двери. Худая, в сером свитере, с волосами, собранными в небрежный пучок. Она разбирала листы на столе, и я видел, как двигаются её пальцы — быстро, точно, как у хирурга. Я не видел её лица. Но я уже знал, что она не такая, как все.

Она обернулась. И я увидел её глаза. Тёмные, внимательные, чуть испуганные. Она смотрела на меня так, как будто ждала чего-то. Как будто проверяла. Я не понял, что именно.

— Простите, вы Ася? — спросил я.

— Да. Это я.

И тогда я почувствовал это. Слабое, почти незаметное. Что-то в груди. Тепло. Спокойствие. Как будто я вернулся домой после долгой дороги. Я не знал, что это. Я никогда такого не чувствовал. Но я понял, что не хочу, чтобы это заканчивалось.

Я отдал ей книгу. Я сказал, что не тороплюсь. Я ушёл.

Дома я сел в кресло и просидел до утра. Я думал о ней. О её руках. О её глазах. О том, как она смотрела на книгу — как на живое существо, которому больно. Я думал о том, что она, наверное, одинока. Что у неё нет никого, кто бы позаботился о ней. Что она работает слишком много, ест слишком мало, спит слишком плохо. Я это знал. Я всегда это знаю. Это не дар. Это просто внимательность.

Утром я позвонил. Она взяла трубку после третьего гудка.

— Алло?

— Ася? Это Марк. Я приносил вам книгу.

— Да, помню.

— Я хотел спросить, как она. Книга.

Пауза. Я слышал её дыхание. Ровное, спокойное.

— Она в порядке. Я работаю с ней.

— Хорошо. — Я помолчал. — Может, выпьете со мной кофе? Я хотел бы обсудить детали. Не по телефону.

Она молчала. Я ждал. Я умею ждать.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Когда?

— Сегодня. В семь. Я знаю одно место. Тихое.

— Хорошо, — повторила она.

Я повесил трубку и улыбнулся.

Тишина — это не всегда покой. Иногда это просто отсутствие звука. Но она всё равно услышит. Я об этом позабочусь.

Я пришёл за час. Кафе было маленьким, с деревянными столами и приглушённым светом. Я выбрал столик в углу — так, чтобы видеть вход, но не быть на виду. Я всегда так делаю. Это не паранойя. Это привычка. Привычка человека, который знает, что мир полон тех, кто хочет причинить боль.

Она вошла ровно в семь. В том же сером свитере, с тем же пучком. Она не красилась, не старалась выглядеть лучше. Мне это понравилось. Я не люблю, когда женщины притворяются.

Она села напротив. Заказала чай. Я — кофе. Мы говорили о книге. О реставрации. О том, как сложно работать с бумагой, которой больше ста лет. Она рассказывала, и её глаза горели. Я слушал. Я всегда слушаю. Люди любят, когда их слушают. Они думают, что это внимание. На самом деле это власть.

Потом она спросила:

— Почему вы отдали мне именно эту книгу?

— Потому что вы лучшая, — сказал я. — Мне рекомендовали вас.

— Кто?

— Не помню. Кто-то из книжного клуба.

Она замолчала. Я видел, как она смотрит на свои руки. На запястья. Я не понял, что она там ищет. Но что-то в её лице изменилось. Как будто она ждала чего-то, и это что-то не пришло.

— Всё в порядке? — спросил я.

— Да, — сказала она. — Всё хорошо.

Она улыбнулась. И я снова почувствовал это тепло. Это спокойствие. Это чувство дома.

Я проводил её до мастерской. Она сказала «спасибо» и закрыла дверь. Я постоял на улице ещё минуту. Дождь закончился. Небо было чистым, звёздным. Я смотрел на окно её мастерской. Свет горел. Она была там. Одна. Работала. И я знал, что она думает обо мне.

Я не знал, что она чувствует то же самое, что чувствую я. Но я догадывался. Люди всегда чувствуют. Это просто нужно правильно объяснить им.

Я пошёл домой. Дома я открыл свой блокнот. У меня есть блокнот. В нём я записываю всё, что важно. Даты, имена, привычки, страхи. Я записал:

«Ася. 23 года. Реставратор. Одинокая. Работает до ночи. Не ест после шести. Не любит телефонные звонки. Любит книги. Боится лжи.»

Я не знал, зачем мне это. Я не планировал ничего. Но я знал, что это пригодится. Всё всегда пригодится.

Я закрыл блокнот и лёг спать. Мне снилась Вера. Она стояла на кухне и резала хлеб. Толсто. Я говорил ей: «Не надо». Она не слушала. Я подходил сзади. И просыпался.

В ту ночь я проснулся три раза.

А утром позвонил Асе. Просто чтобы услышать её голос.

Она ответила. И я понял, что всё идёт правильно.

Глава 3. Пометки

Я не спала всю ночь.

Лежала в темноте, смотрела в потолок и слушала, как в голове крутится одна и та же фраза: «Он уже здесь. Не верь тишине». Я говорила себе, что это чушь. Что кто-то пошутил. Что я сама, наверное, написала это и забыла. Я часто забываю. Врачи говорили, это от стресса. От недосыпа. От того, что я слишком много работаю.

Но я знала свой почерк. И это был не мой почерк.

Утром я пришла в мастерскую раньше обычного. Город ещё спал, окна домов напротив были тёмными, и только дворник в оранжевом жилете скрёб тротуар. Я открыла дверь, сняла пальто, включила лампу. На столе лежала книга Марка — та самая, в кожаном переплёте, с бледными чернилами на полях.

Я открыла её на первой странице.

Пометок не было. Ни одной. Чистые поля, ровные, белые, как снег. Я перевернула страницу. Ещё одну. Ещё. Ничего. Я пролистала до двадцать третьей — той, где вчера было написано «я боюсь его». Поле было пустым.

Я села на стул. Руки дрожали. Я не понимала, что происходит. Может, я перепутала книги? Может, это не то издание? Я взяла свою книгу — ту, что реставрировала две недели. Открыла на двадцать третьей. И там тоже было пусто.

Я сидела и смотрела на белые поля. В голове было тихо. Слишком тихо. Как будто кто-то выключил звук.

Потом зазвонил телефон. Я вздрогнула. Посмотрела на экран. Марк.

— Аллю?

— Доброе утро, — сказал он. Голос спокойный, тёплый. — Не разбудил?

— Нет. Я уже в мастерской.

— Хорошо. — Пауза. — Я хотел спросить, как книга. Ты вчера ничего не сказала.

Я смотрела на пустые страницы. Сердце стучало где-то в горле.

— Всё в порядке, — сказала я. — Работаю.

— Я могу заехать? — спросил он. — Посмотреть. Если ты не против.

Я не хотела, чтобы он приезжал. Я не понимала почему, но не хотела. Слишком быстро. Слишком близко. Я ещё не разобралась, что происходит.

— Сегодня не получится, — сказала я. — У меня много работы.

— Конечно, — сказал он. — Я не тороплюсь. Позвони, когда будет время.

Он повесил трубку. Я положила телефон на стол и уставилась на книгу. Потом встала, подошла к окну, открыла форточку. В мастерскую ворвался холодный воздух. Я дышала глубоко, медленно, как учил врач. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Когда я обернулась, на столе лежала книга. Открытая. На двадцать третьей странице. И на поле было написано:

«Он уже был здесь. Он всегда возвращается.»

Я отшатнулась. Ударилась бедром о стол. Боль прострелила ногу, но я не обратила внимания. Я смотрела на страницу. Чернила были свежими. Ещё блстели.

Я подошла ближе. Наклонилась. Принюхалась. Пахло чернилами. Настоящими, жидкими, теми, что заправляют перьевые ручки. Я провела пальцем по строчке. Буквы были влажными. Я посмотрела на подушечку пальца. На ней остался синий след.

Я не писала это. Я не могла это написать. Я стояла у окна. В мастерской никого не было. Дверь была закрыта.

Я села на пол. Прямо там, на холодный линолеум, и обхватила колени руками. Меня трясло. Я не понимала, что происходит. Я не понимала, сходит ли мой дар с ума или это что-то другое. Что-то, что я не могла объяснить.

Я просидела так, наверное, час. Потом встала. Взяла телефон. Набрала номер. Не Марка. — Вера? Это Ася.

Пауза. Долгая. Я слышала дыхание на том конце. Тяжёлое, чуть хриплое.

— Ты нашла меня, — сказала она. — Я думала, ты позвонишь раньше.

— Что происходит? — спросила я. — Что это за книга?

— Это его книга, — сказала Вера. — Он собирает их. Все, которые я читала. Все, в которых я оставляла пометки. Он нашёл их. Все до одной.

— Зачем?

— Чтобы вернуть меня, — сказала она. — Или чтобы найти тебя. Я не знаю. Он всегда делает и то, и другое одновременно.

Я закрыла глаза. В голове было пусто и гулко, как в пустом храме.

— Ты знаешь, что он сделал с Ниной? — спросила Вера.

— С кем?

— С Ниной. — Голос Веры стал тише. — Ты не знаешь о Нине. Ещё нет. Но узнаешь. Скоро.

— Кто она?

— Она была третьей, — сказала Вера. — После меня. Он нашёл её через полгода. Она до сих пор с ним. Она думает, что счастлива.

Я молчала. В мастерской было тихо. Только часы на стене тикали — громко, отчётливо, как метроном.

— Ася, — сказала Вера. — Ты чувствуешь что-нибудь рядом с ним?

Я открыла глаза. Посмотрела на свои запястья. Бледные, чистые, без единого следа.

— Нет, — сказала я. — Ничего.

Вера выдохнула. Долго, медленно.

— Тогда беги, — сказала она. — Беги, пока можешь. Потому что если ты не чувствуешь ничего — это значит, что он уже начал. Он всегда начинает с тишины.

Телефон замолчал. Я посмотрела на экран. Вызов завершён. Я перезвонила. Абонент недоступен. Ещё раз. То же самое.

Я сидела на полу и смотрела на книгу. Она лежала на столе, открытая, и поле двадцать третьей страницы было белым. Чистым. Пустым.

Я встала. Подошла. Взяла ручку. И написала на поле, прямо под тем местом, где только что были чернила:

«Кто ты?»

Чернила высохли мгновенно. Я смотрела на страницу. Ждала. Секунду. Две. Три. Ничего.

Я выдохнула. Отвернулась. Пошла к шкафу за чашкой. И когда вернулась — на странице было написано:

«Я — то, что он стёр. Я — то, что осталось. Я — Вера. Но не та, которую ты знаешь.»

Я посмотрела на запястья. И впервые за два дня почувствовала ожог. Слабый, почти нежный. Как прикосновение. Как предупреждение.

Я не знала, что это значит. Но я знала, что Вера не лгала.

А значит, Марк — лгал. Просто не словами. Просто не так, как я привыкла.

Я закрыла книгу. Убрала её в ящик. Закрыла ящик на ключ. И села писать план.

Потому что если я чему-то и научилась за двадцать три года — так это тому, что тишина не бывает просто тишиной. Тишина — это всегда чей-то голос, который кто-то заставил замолчать.

И я собиралась узнать, чей.

Глава 4. Проверка

Я не спала третью ночь подряд. Под глазами залегли тени, руки дрожали, и я пила кофе литрами, как будто он мог заменить сон. Но я не могла себе позволить остановиться. Мне нужно было понять, что происходит.

Я решила проверить Марка.

Не так, как проверяют незнакомцев — через интернет, через знакомых, через случайные вопросы. Я решила проверить его своим даром. Сознательно. Целенаправленно. Я хотела знать, лжёт ли он. Хотела почувствовать ожог. Хотела убедиться, что тишина — это не глухота, а правда.

Я позвонила ему утром. Он ответил сразу, как будто ждал.

— Доброе утро, — сказал он. — Ты рано.

— Хочешь встретиться? — спросила я. — Сегодня. Я хочу обсудить книгу.

Пауза. Короткая, почти незаметная.

— Конечно, — сказал он. — Где?

— Приходи в мастерскую, — сказала я. — В шесть.

— Буду.

Я повесила трубку и посмотрела на свои запястья. Кожа была чистой. Я ждала ожога. Его не было.

Я подготовилась. Разложила на столе три книги. Ту, что он принёс. Ту, что реставрировала сама. И третью — старую, потрёпанную, которую я нашла вчера в букинистическом на углу. Она была не нужна. Она была приманкой.

Я хотела посмотреть, как он отреагирует. Что скажет. Что сделает. И самое главное — что я почувствую.

Он пришёл ровно в шесть. Стук в дверь — короткий, вежливый. Я открыла. Он стоял на пороге, в тёмном свитере, с мокрыми от дождя волосами. В руках — бумажный пакет.

— Я принёс вино, — сказал он. — Красное. Не знаю, любишь ли ты, но подумал, что будет уместно.

— Спасибо, — сказала я. — Проходи.

Он вошёл. Повесил пальто. Поставил бутылку на стол. Огляделся. Я смотрела на него. На его руки. На то, как он двигается. Медленно, спокойно, уверенно. Как человек, который знает, что ему здесь рады.

— Ты выглядишь усталой, — сказал он. — Плохо спала?

— Работала, — сказала я. — Много работы.

Он кивнул. Подошёл к столу. Увидел три книги.

— Это те, над которыми ты работаешь? — спросил он.

— Да, — сказала я. — Вот эта — твоя. — Я показала на «Портрет Дориана Грея». —

А эти две — другие заказы.

Он взял третью книгу. Ту, которую я купила вчера. Открыл. Пролистал. Я смотрела на его лицо. Ничего. Спокойствие. Лёгкий интерес. Он закрыл книгу и поставил её на место.

— Красивое издание, — сказал он. — Тоже с пометками?

— Нет, — сказала я. — Чистое.

Он кивнул. Отошёл к окну. Посмотрел на улицу.

— Я люблю этот район, — сказал он. — Тихий. Спокойный. Здесь легко думать.

Я смотрела на его спину. На то, как он стоит. Расслабленно. Свободно. Как человек, которому нечего скрывать.

— Марк, — сказала я. — Можно вопрос?

— Конечно.

— Почему ты отдал мне именно эту книгу? Ту, с пометками. Почему не другую?

Он обернулся. Посмотрел на меня. Глаза спокойные, серые, внимательные.

— Потому что она особенная, — сказал он. — Я уже говорил.

— Чем?

Он помолчал. Подошёл ближе. Сел на стул напротив. Положил руки на стол. Я смотрела на его запястья. Чистые. Без часов. Без следов.

— Я купил её на аукционе, — сказал он. — Три года назад. Продавец сказал, что она принадлежала женщине, которая умерла. Я не поверил. Я искал эту женщину. Долго искал. Не нашёл. Но пометки на полях... они как карта. Я думал, что если найду человека, который сможет их прочитать, я найду её.

— Кого?

— Женщину, — сказал он. — Ту, которую я потерял.

Я смотрела на него. И ничего не чувствовала. Ни ожога. Ни жжения. Ни боли. Тишина.

— Ты её любил? — спросила я.

— Да, — сказал он. — Очень.

Он не лгал. Я знала это. Я чувствовала это. Тишина была правдой. Он действительно её любил. И действительно потерял. И действительно искал.

Но Вера сказала: «Он всегда делает и то, и другое одновременно». Он ищет. И находит. И теряет снова. Потому что сам разрушает то, что нашёл.

— Как её звали? — спросила я.

Он молчал. Долго. Смотрел на свои руки. Потом поднял глаза.

— Вера, — сказал он. — Её звали Вера.

Я не вздрогнула. Не отвела взгляд. Не выдала себя. Я просто кивнула.

— Красивое имя.

— Да, — сказал он. — Красивое.

Он улыбнулся. И я снова ничего не почувствовала. Тишина. Полная, абсолютная, глухая.

Мы проговорили ещё час. О книгах. О реставрации. О том, как сложно работать с бумагой, которой больше ста лет. Он рассказывал о своей работе. Об архитектуре. О том, как проектирует дома. Я слушала. Смотрела на его руки. На то, как он жестикулирует. На то, как улыбается. На то, как смотрит на меня.

Он не лгал. Ни разу. За весь вечер — ни одного ожога. Ни одного жжения. Ни одной искры боли.

Когда он ушёл, я села на пол. Прислонилась спиной к стене. Закрыла глаза. И почувствовала, как что-то внутри меня сжимается. Медленно. Туго. Как будто кто-то затягивает узел.

Я не понимала. Я не понимала, как это возможно. Я чувствую ложь. Всегда. С детства. Каждый раз. Каждое слово. Каждый вздох. Каждую фальшивую улыбку. А рядом с ним — ничего.

Я взяла телефон. Набрала Веру. Абонент недоступен. Ещё раз. То же самое. Я написала сообщение: «Он не лжёт. Я ничего не чувствую. Что это значит?»

Ответ пришёл через минуту. Одно слово:

«Беги.»

Я посмотрела на экран. Потом на книгу. Ту, что лежала на столе. Закрытую. Я встала. Подошла. Открыла на двадцать третьей странице.

На поле было написано:

«Он не лжёт, потому что не считает это ложью. Он верит в свою правду. А правда, в которую верят, жжёт только тех, кто рядом. Ты рядом. Ты уже горишь. Просто ещё не чувствуешь.»

Я закрыла книгу. Села на стул. И заплакала.

Первый раз за три дня. Первый раз за много лет. Я плакала и не понимала, почему. Может, от усталости. Может, от страха. Может, от того, что впервые в жизни я встретила человека, рядом с которым мой дар молчит — и это оказалось не спасением, а ловушкой.

Я вытерла слёзы. Взяла ручку. Написала на поле:

«Кто ты?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Я — то, что он стёр. Я — то, что осталось. Я — Нина. Но не та, которую ты найдёшь.»

Я уставилась на строчку. Нина. Та, о которой говорила Вера. Та, которая до сих пор с ним. Та, которая думает, что счастлива.

Я не знала, что делать. Я не знала, кому верить. Я не знала, что происходит.

Но я знала одно: если Вера и Нина пишут мне через книгу, значит, они обе живы. Значит, они обе где-то рядом. Значит, они обе ждут.

Я закрыла книгу. Убрала в ящик. Заперла. И пошла домой.

Дома я легла в постель и уставилась в потолок. Я думала о Марке. О его глазах. О его руках. О том, как он сказал: «Её звали Вера». Без запинки. Без паузы. Без лжи.

Он верил в то, что говорил. Он верил, что любил её. Он верил, что ищет её. Он верил, что он — хороший.

И это было самое страшное.

Потому что человек, который искренне верит в свою ложь, не чувствует её. И тот, кто рядом с ним, тоже не чувствует. Пока не станет слишком поздно.

Я закрыла глаза. И впервые за три ночи уснула.

Мне снилась Вера. Она стояла на кухне и резала хлеб. Толсто. Я говорила ей: «Не надо». Она не слушала. Я подходила сзади. И просыпалась.

Но утром я проснулась не от кошмара.

Я проснулась от звонка.

Марк.

— Доброе утро, — сказал он. — Я хотел спросить, как ты. Ты вчера была какой-то грустной.

Я села в постели. Посмотрела на свои запястья. Чистые.

— Всё хорошо, — сказала я. — Просто устала.

— Может, встретимся сегодня? — спросил он. — Я хочу тебе кое-что показать.

— Что?

— Сюрприз, — сказал он. — Тебе понравится.

Я молчала. Смотрела в окно. Солнце только всходило. Город был серым, сонным, тихим.

— Хорошо, — сказала я. — Во сколько?

— В семь. Я заеду.

— Хорошо.

Я повесила трубку. И почувствовала, как внутри что-то сжалось. Крепко. Туго. Как узел.

Я не знала, что он хочет показать. Но я знала, что это будет не просто сюрприз.

Это будет начало.

Глава 5. Сюрприз

Я весь день не находила себе места.

Работала, но руки дрожали. Реставрировала страницу за страницей, но мысли были далеко. Я думала о том, что скажет Вера, если бы увидела меня сейчас. Что скажет Нина. Что скажет мать.

Мать бы сказала: «Ася, не ходи. Никуда не ходи с ним». Мать всегда чувствовала опасность. У неё не было моего дара — только интуиция, обычная, женская, та, что не подводит. Она говорила: «Если человек слишком хорош, значит, он что-то скрывает». Я смеялась. Тогда. В девятнадцать. Когда думала, что знаю всё.

Сейчас мне было двадцать три. И я не смеялась.

В семь я стояла у окна и смотрела на улицу. Ровно в семь к мастерской подъехала машина. Тёмная, чистая, дорогая. Марк вышел. Открыл пассажирскую дверь. Посмотрел вверх, на моё окно. Я знала, что он видит меня. Я знала, что он улыбается.

Я взяла пальто. Вышла. Заперла дверь. Спустилась по лестнице. Он ждал у машины.

— Ты выглядишь лучше, — сказал он. — Отдохнула?

— Да, — сказала я. — Немного.

— Хорошо. — Он открыл дверь шире. — Садись.

Я села. Он закрыл дверь. Обошёл машину. Сел за руль. Завёл двигатель. И мы поехали.

Я смотрела в окно. Город проплывал мимо — улицы, дома, фонари, люди. Мы ехали долго. Мимо центра. Мимо вокзала. Мимо районов, которые я не знала. Марк молчал. Я тоже молчала. В машине играла тихая музыка — пианино, что-то грустное, незнакомое. Я смотрела на его руки. На то, как он держит руль. Спокойно. Уверенно. Как человек, который знает, куда едет.

— Далеко ещё? — спросила я.

— Почти приехали, — сказал он.

Мы свернули на тихую улицу. Дома здесь были старые, двухэтажные, с резными наличниками. Деревья стояли вдоль тротуара, голые, чёрные на фоне серого неба. Он остановил машину у одного из домов. Выключил двигатель.

— Приехали, — сказал он.

Я вышла. Дом был небольшой, но ухоженный. Свет в окнах не горел. Я стояла на тротуаре и смотрела на него.

— Что это? — спросила я.

— Мой дом, — сказал он. — Точнее, наш. Я хочу, чтобы ты его увидела.

— Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.